

ЛУЧШИЕ ИСТОРИИ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА

ОТ АВТОРОВ, ЧЬИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СТАЛИ КУЛЬТОВОЙ КЛАССИКОЙ

Мэри Элизабет Брэддон — одна из самых известных писательниц викторианской эпохи. Ее литературное наследие необычайно богато — около 80 романов, 5 пьес, многочисленные поэмы и рассказы. Но настоящую славу писательнице принес ее роман «Тайна леди Одли», который сразу стал бестселлером, а позже был экранизирован и адаптирован для театральных постановок. Только за три месяца книга вышла в девяти изданиях. Роман с увлечением перечитывала сама королева Виктория.

Люси Грэм — простая гувернантка, которой посчастливилось стать женой своего богатого хозяина сэра Майкла. Теперь она носит фамилию Одли и играет роль уважаемой дамы из высшего общества перед требовательными соседями. Но возвращение племянника сэра Майкла, Роберта, может разрушить весь спектакль, разыгранный Люси. Роберт начинает подозревать, что прошлое Люси не настолько идеальное, как рассказывает о нем сама новоиспеченная леди... И все тайное рано или поздно становится явным.

ISBN серии

ISBN 978-617-12-4727-7

9 786171 124727

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5023-9

9 786171 125023

МЭРИ
БРЭДДОН

ТАЙНА
ЛЕДИ
ОДЛИ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

МЭРИ
БРЭДДОН

ТАЙНА ЛЕДИ
ОДЛИ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

МЭРИ БРЭДДОН

ТАЙНА ЛЕДИ
ОДЛИ

УДК 821.111
Б87

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Брэддон М. Э. Тайна леди Одли: роман / Мэри Элизабет
Брэддон : пер. с англ. Е. Фельдмана. — СПб. : Амфора.
ТИД Амфора, 2012. — 416 с. — (Серия «Я люблю»).

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-4727-7 (серия)
ISBN 978-617-12-5023-9

- © DepositPhotos: MrCat.com.ua, обложка, 2018
- © Е. Д. Фельдман, перевод на русский язык, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

ТАЙНА ЛЕДИ ОДЛИ

*Посвящается
достопочтенному сэру
Эдварду Бульвер-Литтону,
баронету, члену парламента,
доктору гражданского права
и проч., и проч., и проч.
с благодарной признательностью
за уроки литературного мастерства,
которые он столь щедро преподавал
автору этой книги.*

ГЛАВА 1

Люси Грэхем становится леди Одли

Место, где произошла эта история, находится в лощине, что славится роскошными пастбищами и многолетним строевым лесом. Направляясь туда, вы должны будете пройти по липовой аллее, по обеим сторонам которой раскинулись деревенские луга, а когда подойдете ближе, местные быки и коровы непременно устремят на вас пытливые взоры из-за высоких оград, словно спрашивая, что вам нужно — ведь здесь «проход воспрещен», и если ваш путь лежит не в Одли-Корт, то вам тут вообще делать нечего.

В конце аллеи возвышается древняя башня с аркой и часами — диковинными часами, способными сбить с толку кого угодно: на их циферблате красуется одна-единственная стрелка, которая указывает лишь часы, не размениваясь

на секунды и минуты, и преодолевает каждую двенадцатую часть окружности одним могучим рывком.

Пройдя под сводами арки, вы сразу попадаете в сады поместья Одли-Корт. Перед вами шелковистая лужайка, там и сям кусты рододендронов — они необыкновенно хороши, других таких не найти во всем графстве. Справа — огороды, пруд для разведения рыбы, фруктовый сад, окруженный рвом без воды и полуразрушенной стеной, на которой красуются плющ, желтая заячья капуста и темный мох; слева — широкая дорога, покрытая гравием, по которой много лет назад, когда здесь располагался женский монастырь, прогуливались, взявшись за руки, смиренные монашки. По одну сторону стены высажены шпалеры, другая прячется в тени почтенных дубов, оживляющих своими очертаниями плоский ландшафт и окружающий дом и огороды сумрачной завесой.

Дом выходит фасадом на арку. Дом стар и построен безо всякого плана. Все окна разные: какие побольше, какие поменьше; одни сочетают в себе массивные каменные рамы с ярко окрашенными стеклами; другие прикрыты хрупкими решетками, стучащими при малейшем дуновении ветра; третьи же выглядят так современно, словно появились тут только вчера.

На крыше тянется вверх великое множество дымовых труб. От возраста и долгих лет службы им давно бы уже пора надломиться и рухнуть вниз, и кажется, что только вездесущий плющ, добравшийся до крыши, удерживает их в крепких зеленых объятиях и не дает свалиться на головы обитателей дома.

Парадная дверь втиснулась в башню — втиснулась как-то боком, под углом, словно прячась от непрошенных гостей. При всем том это весьма благородная дверь, ибо сработана она из старинного дуба и укреплена громадными железными гвоздями с квадратными шляпками. Дверь такая толстая, что на удар крепкого деревянного молоточка откликается лишь невразумительным глухим звуком, и тот, кто бывал здесь

не однажды и знает это, не теряет времени понапрасну, а сразу же прибегает к помощи колокольчика, нашарив его среди зарослей плюща: никакой иной звук не может пробиться сквозь эту твердыню.

Славное место, старинное место! Попадая сюда, не испытываешь ничего, кроме восторга и томительного желанья, распростившись с прежней жизнью, поселиться здесь навсегда и, глядя на прохладные пруды, считать пузыри, когда плотвички и карпы подплывают к поверхности воды. Кажется, здесь обосновался сам Покой, возложивший свои ласковые руки на каждое дерево, на каждый здешний цветок, на тихие пруды и безмятежные аллеи, на тенистые углы старомодных комнат, где близ окон за цветными стеклами стоят глубокие диваны, даже на колодец со стоячей водой, затерявшийся в кустарнике за огородами, праздный ворот которого давно уже никто не трогал, веревка прогнила, а ведро упало на дно зловонного сруба, обретя там свое последнее пристанище.

Благородное место, благородный дом, в котором вы рискуете заблудиться, опрометчиво решив побродить по нему в одиночку. Дом, где всякая комната в разладе со всеми остальными, где любое помещение внезапно переходит в другое, внутреннее, и через него выводит на узкую лестницу, приглашающую к дверям, которые, в свою очередь, возвращают вас туда, откуда вы начали свой обход. Дом, до какого не додумался бы ни один архитектор из всех, что жили на грешной земле; дом, который сработал старый добрый строитель — Время, что в каком-нибудь году пристраивало новый флигелек и уже в следующем году сводило на нет другой флигелек; рушило камин — ровесник Плантагенетов и возводило на его руинах камин в стиле Тюдоров; разрушало стену, помнившую времена саксонского владычества, но щадило арку, возведенную во времена норманнов; оставляло пустые провалы от узких высоких окон времен королевы Анны и пристраивало к трапезной, возведенной

во времена Вильгельма Завоевателя, столовую в стиле ганноверца Георга I и за одиннадцать столетий соорудило такое жилище, с которым, обыщи хоть весь Эссекс, невозможно было сравнить ни одно здание графства.

Конечно же, в этом доме были и потайные помещения, и дочь нынешнего его владельца, сэра Майкла Одли, как-то в детстве случайно нашла здесь секретную комнату. Она играла в детской, и вдруг половицы подозрительно затрещали у нее под ногами, и она обнаружила, что в углу комнаты несколько досок не закреплено. Она отодвинула их и увидела лестницу, ведущую в крохотное помещение между полом детской и потолком комнаты, что была прямо под ней. Пиратских сокровищ девочка не нашла: в каморке стоял дубовый сундук, а в нем лежало полное облачение католического священника, припрятанное здесь в те ужасные времена, когда принадлежность к этой профессии каралась смертной казнью.

За широким внешним рвом, заросшим травой, во всю длину сада раскинулся пруд для выращивания рыбы. Липовая аллея, примыкающая к пруду, была так плотно прикрыта со всех сторон кронами деревьев, что казалось, будто сама Природа устроила тут место для тайных свиданий. И хотя отсюда до дома было всего два десятка шагов, здесь с равным успехом и равной безопасностью можно было готовить государственный заговор и плести любовную интригу.

Старый колодец находится как раз в конце аллеи. В свое время, надо полагать, он хорошо потрудился, и хлопотливые монашки не раз извлекали из его недр студеную воду, чтобы омыть в ней свои прекрасные руки. Но сейчас он заброшен, и едва ли кто в Одли-Корт помнит, жив ручей, питающий его, или давно высох.

Нынешние хозяева не усмотрели в колодце ничего романтического. Часто по вечерам сэр Майкл Одли, дымя сигарой, выходил в аллею. Собака вертелась у него под ногами, и прелестная молодая жена шла рядом с ним, держа его под руку,

но проходило каких-нибудь десять минут, и окружающая обстановка начинала утомлять супругов, и они возвращались домой, в гостиную с белыми стенами, где миледи принималась играть мечтательные мелодии Бетховена и Мендельсона и играла до тех пор, пока ее супруг не засыпал в своем кресле.

Три месяца назад, когда сэра Майкл Одли женился вторым браком, ему исполнилось пятьдесят шесть лет. Он был высоким, крупным и крепким мужчиной, с глубоким звучным голосом, выразительными черными глазами и седой бородой, выдававшей возраст своего владельца. Последнее чрезвычайно огорчало сэра Майкла, потому что он все еще был непоседлив, как мальчишка, и по-прежнему считался лучшим наездником графства.

Он вдовел целых семнадцать лет, и все эти годы его единственное дитя, его дочь, Алисия Одли, безраздельно царила в доме. Она хранила у себя все ключи, держа их в карманах своих шелковых передников, теряла их в кустах и роняла в пруд, причиняя немало хлопот домочадцам, и свято уверовала в то, что именно на ней держится весь дом.

Но вот появилась молодая мачеха, и от власти мисс Алисии не осталось и следа. О чем бы она ни просила экономку, та неизменно отвечала ей, что должна передать просьбу миледи, должна спросить у миледи, разрешит ли миледи сделать то-то и то-то, причем не как-нибудь, но именно так-то и так-то. С той поры дочь баронета, прекрасная наездница и приличная рисовальщица, большую часть времени начала проводить вне дома, гарцуя по зеленым лугам и покрывая листы своего альбома рожицами деревенских мальчишек, изображениями коров, быков и вообще всякой живности, попадавшей ей на пути. Она раз и навсегда усвоила в отношениях с мачехой мрачный тон, и, как ни старалась миледи победить предвзятость Алисии и убедить ее в том, что, выйдя замуж за сэра Майкла Одли, она не нанесла смертельной обиды его дочери, избалованная девчонка стояла на своем, и сблизиться с нею не было никакой возможности.

Правда состояла в том, что, выйдя замуж за сэра Майкла, леди Одли заключила с ним один из тех блистательных союзов, которые просто созданы для того, чтобы стать предметом зависти и ненависти особ, принадлежащих к тому же полу, что и она сама.

Некоторое время тому назад она поселилась тут по соседству, став гувернанткой в семье военного врача, проживавшего в деревне неподалеку от Одли-Корт. Никто не знал о ней ничего, кроме того, что она откликнулась на объявление мистера Доусона, врача, помещенное им в «Таймс».

Приехала она из Лондона. Единственный документ, бывший при ней, удостоверял, что она работала учительницей в Бромптоне, но этой бумаги оказалось вполне достаточно, и врач с удовольствием принял девушку у себя в доме, сделал ее наставницей своих дочерей.

Таланты гувернантки оказались столь блистательными и разнообразными, что оставалось лишь удивляться тому, что она согласилась на предложение, сулившее ей весьма скромные условия. Но мисс Грэхем совершенно удовлетворяло ее положение. Она разучивала с девочками сонаты Бетховена, писала акварелью с натуры и по воскресеньям трижды ходила из скучной отдаленной деревни в скромную церквушку — ходила с таким умиротворенным видом, словно не существовало для нее высшего блага, кроме того, чтобы прожить здесь до конца дней.

Местные жители, понаблюдав за ней со стороны, решили эту загадку по-своему. Девушка с таким добрым и легким сердцем, сказали они себе, чувствует себя хорошо в любых обстоятельствах. Где бы она ни появлялась, она несла с собой радость и свет. Когда она входила в бедную хижину, казалось, что под нищенскую кровлю заглядывал яркий солнечный луч. Побыв с четверть часа в обществе какой-нибудь старухи, она выказывала в отношении беззубой собеседницы такое восхищение, словно познакомилась по меньшей мере с маркизой. Когда она уходила, не дав ничего (ее скромное

жалованье лишало ее возможности оказывать благотворительность), старая женщина посылала вслед такие похвалы ее грации и душевным качествам, каких не удаивала и жене викария, помогавшую ей пищей и одеждой. И немудрено: мисс Люси Грэхем обладала магической властью, которая позволяет женщине очаровывать словом и опьянять улыбкой.

Все вокруг любили ее, восхищались ею, превозносили ее до небес. Мальчишка, открыв ей ворота, вприпрыжку бежал домой, спеша поведать матушке, каким необыкновенным взглядом одарила его эта удивительная девушка и каким ангельским голосом поблагодарила его за маленькую услугу. Церковный служка, провожавший ее до скамьи, где сидело семейство доктора; викарий, видевший ее нежные голубые глаза, устремленные на него, когда он читал свою скромную молитву; носильщик с железнодорожной станции, доставлявший ей время от времени письмо или пакет, не ожидая вознаграждения; ее наниматель; его гости; ее ученицы; слуги — все сошлись на том, что Люси Грэхем — самая замечательная девушка из всех когда-либо живших на земле.

Должно быть, этот восторженный гимн проник-таки в тихие комнаты Одли-Корт или было наконец замечено изумительное лицо девушки, — так или иначе, но в один прекрасный день сэр Майкл Одли почувствовал вдруг неодолимое желание поближе познакомиться с гувернанткой мистера Дусона. Он устроил у себя небольшой прием, пригласив девушку, а также доктора с супругой и викария с супругой. Разумеется, его дочь также составила им компанию.

В тот тихий вечер решила участвовать сэра Майкла. Он не смог противостоять этим голубым глазам, этой лебединой шее, этой божественной головке, этому глубокому голосу, преисполненному музыки; он не смог противостоять собственной судьбе.

Судьба! Да, это была судьба! Нет, никогда он прежде не любил. Брак с матерью Алисии? То была всего лишь сделка, скучная сделка, призванная поправить положение его

обедневшего семейства. Может быть, он и испытывал нежные чувства к своей первой супруге, но эту слабую — слишком слабую! — искорку никакие силы не смогли бы раздуть до яркого пламени.

И вот пришла любовь, с ее лихорадкой, томлением, тревогой, сомнениями и беспокойством, с мучительным и жарким страхом, что его, сэра Майкла, возраст может стать непреодолимой преградой на пути к счастью. И он с новой силой возненавидел свою седую бороду и почувствовал неистовое желание снова стать молодым, чтобы волосы его снова были черными, как вороново крыло, а талия — тонкой и гибкой, как двадцать лет назад.

Потекли бессонные ночи и меланхолические дни, и только любимое лицо, случайно мелькнувшее за занавесью окна, разом преображало безрадостную действительность. Все эти многочисленные признаки говорили об одном и том же, и то, о чем они говорили, было правдой: в том возрасте, который сам по себе является символом благоразумия и трезвости мыслей, в возрасте пятидесяти пяти лет сэра Майкла Одли поразил ужасный недуг, именуемый любовью.

Не думаю, что, ухаживая за девушкой, он рассчитывал на то, что его богатство и положение в обществе смогут сыграть решающую роль на пути к успеху. Если подобные мысли и приходили ему на ум, он гнал их от себя, содрогаясь от отвращения. Мысли эти приносили ему огромные страдания. У него просто не укладывалось в голове, что такую прелесть и такую невинность можно отдать, прельстившись домом и титулом. О нет! Он надеялся, что, поскольку в жизни девушки не было и нет ничего, кроме труда и зависимости, и поскольку она еще очень молода (никто точно не знал, сколько ей лет, но на вид было чуть более двадцати), она еще ни к кому не испытала чувства привязанности, и он, первый в ее жизни мужчина, ухаживающий за ней, окружая ее нежной заботой и щедрым вниманием, мог напомнить ей отца, которого, по-видимому, уже нет в живых, и тем завоевать ее молодое сердце.

Что касается Люси Грэхем, то в ее поведении не было и тени пошлой искусственности, заметной в манерах женщины, когда она стремится завоевать богача. Люси Грэхем так привыкла к всеобщему восхищению, что ухаживания сэра Майкла не произвели на нее особого впечатления. (Кстати сказать, сэр Майкл вдовел так долго, что все, кто его знал, уже и не чаяли увидеть его под венцом во второй раз.) Как бы там ни было, миссис Доусон решила поговорить с гувернанткой на этот счет. Они сидели в комнате для школьных занятий. У супруги врача было в руках вышивание, а Люси подправляла кисточкой акварельные наброски своих учениц.

— Знаете, дорогая мисс Грэхем, — промолвила миссис Доусон, — по-моему, вы просто обязаны считать себя редкой счастливицей.

Гувернантка, оторвавшись от работы, взглянула на хозяйку с явным удивлением.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, погружая кисточку в аквамарин.

— Я имею в виду, дорогая, что вам ничего не стоит стать леди Одли и хозяйкой Одли-Корт.

Люси Грэхем взмахнула кисточкой и, сделав легкий мазок, побледнела, что не ускользнуло от внимания миссис Доусон.

— Да не волнуйтесь вы, милочка, — промолвила та, — никто не заставит вас выйти замуж за сэра Майкла, если вы сами этого не захотите. Однако, скажу я вам, это был бы замечательный союз. У сэра Майкла солидные доходы, и он самый щедрый мужчина из всех, кого я знаю. Он возвысит вас до себя, и вы сможете сделать для ближних много доброго. Но руководствоваться при этом, подчеркиваю, вы должны только собственным чувством. И еще: если внимание сэра Майкла вам неприятно, лучше объясниться с ним сразу и не поощрять его дальнейшие ухаживания.

— Его внимание... Поощрять дальнейшие ухаживания... — пробормотала Люси. — О чем вы говорите, миссис Доусон?

Да у меня и в мыслях ничего подобного не было! Хотя в последнее время я кое-что начала замечать...

Здесь она умолкла, облокотилась о стол, обхватила голову руками и глубоко задумалась. На шее у нее всегда была узкая черная ленточка то ли с медальоном, то ли с крестиком; а может быть, то была миниатюра — во всяком случае, эту безделушку она постоянно носила под платьем, и сейчас, нервно коснувшись пальчиками того, что было спрятано у нее на груди, сказала:

— Думаю, некоторые люди просто рождены, чтобы быть несчастными, миссис Доусон. Стать леди Одли! Для такой, как я, это было бы чересчур большой удачей.

— Это вы-то несчастная! — изумилась миссис Доусон. — Вы первая, от кого я слышу подобное. Вы такая яркая, такая... Честное слово, не знаю, что мы станем делать, когда сэра Майкл похитит вас.

После этого разговора они не однажды возвращались к этой теме. Люси не выказывала никаких эмоций, когда речь заходила о восхищении баронета, и в семействе врача молчаливо решили, что, когда бы сэра Майкл ни сделал свое предложение, гувернантка, само собой разумеется, примет его: для девушки без состояния упустить такой шанс было бы чистым безумием.

Однажды туманным июньским вечером сэра Майкл, сидя рядом с Люси Грэхем у окна в маленькой гостиной врача, воспользовался тем, что хозяйева, сославшись на какую-то случайную причину, разом поднялись и тактично оставили их одних, и заговорил о том, что давно лежало на его сердце. Он промолвил несколько торжественных слов и попросил у гувернантки ее руки.

— Но если вы не любите меня, — добавил он, — лучше разбейте мне сердце, но откажите. Нет большего греха, чем идти замуж без любви. И если путь к моему счастью лежит через такой грех — ваш грех, Люси, — то не нужно мне такого счастья.

Люси Грэхем сидела, не глядя на сэра Майкла. Лицо ее было обращено вдаль, к туманному закату, и сэр Майкл, видя только профиль, не мог уловить выражения ее глаз. Если бы это ему удалось, он увидел бы тоскливый взгляд, устремленный не к горизонту, а гораздо дальше, в бесконечную неизвестность, в иной мир.

— Люси, вы слышите меня?

— Да, — печально отозвалась она. Впрочем, в ее тоне не было холода и не чувствовалось, что слова сэра Майкла как-то обидели ее.

— Итак, ваш ответ?

Несколько мгновений она сидела молча, наблюдая, как деревня погружается во тьму. Внезапно она с неожиданной страстью повернулась к сэру Майклу, и лицо ее засветилось той новой и чудесной прелестью, какую баронет увидел даже в нарастающей мгле.

Мисс Грэхем упала перед ним на колени.

— Нет, Люси, нет, нет! — горячо запротестовал он. — Не здесь! Пожалуйста, только не здесь!

— Нет, здесь, здесь, — промолвила она все с той же необычной страстью, и слова ее прозвучали негромко, но со сверхестественной отчетливостью, — здесь, и только здесь! Какой вы добрый! Будь на моем месте другая, в сто раз лучше меня, она бы полюбила вас от всей души. Но вы ждете от меня слишком много, слишком много. Подумайте, какая у меня была жизнь, — только подумайте. С самого детства я не видела ничего, кроме бедности. Отец мой был джентльменом — умным, образованным, великодушным, красивым, но — бедным. Матушка моя... Впрочем, позвольте мне о ней умолчать. Бедность, злоключения, мытарства, потери, унижения... Нет, при вашей спокойной и обеспеченной жизни вам меня не понять, не прочувствовать всего, что испытала я. И потому я говорю: вы ждете от меня слишком много. Поймите: я не могу быть бескорыстной, я не настолько слепа, чтобы не видеть благ, что сулит мне такой союз. Нет, не могу! Не могу!

В этом ее возбуждении, в этой страстной горячности было нечто такое, чему трудно было дать точное определение и от чего баронет почувствовал смутную тревогу. Между тем Люси по-прежнему была у него в ногах, и в эти мгновения она не просто стояла на коленях — она раболепствовала перед ним! Ее тонкое белое платье разметалось по полу; волосы упали бледной волной на плечи; большие голубые глаза поблескивали в сумерках. Она сжимала черную ленточку, свисавшую с ее шеи, сжимала так, словно эта ленточка душила ее.

— Вы ждете от меня слишком многого, — повторила она. — Я себялюбива с самого детства.

— Люси, Люси, скажите прямо: я вам не нравлюсь?

— Не нравитесь? Вы? Ах, нет, нет!

— Может, вы любите кого-то другого?

Она громко засмеялась:

— Я никого не люблю. Никого в целом мире.

Он был счастлив, услышав такой ответ, но ее странный смех был ему неприятен. Чуть помолчав, он с заметным усилием промолвил:

— Что ж, Люси, я не буду ждать от вас слишком многого. Я знаю, что я — старый болван с романтическими вывертами, но если я не вызываю в вас отвращения и неприязни и если вы никого не любите, не вижу причин, почему бы нам не стать счастливой парой. Итак, по рукам, Люси?

— Да. Я согласна.

И он поднял ее и поцеловал в лоб и затем, тихим голосом пожелав ей доброй ночи, вышел из дома, не задержавшись ни на минуту. Он вышел немедленно, этот глупый стареющий джентльмен, потому что сердце у него билось часто-часто. Нет, он не чувствовал ни радости, ни торжества, — он чувствовал нечто похожее на разочарование, и неудовлетворенное желание саднило и раздражало его. Слова Люси убили в нем надежду. Как и всякий мужчина его возраста, он знал теперь совершенно определенно, что ему уступили, рассчитывая на его состояние и положение в обществе.

Тем временем Люси Грэхем медленно поднялась по лестнице и вошла в свою комнатушку. Поставив тусклую свечу на ящик с рисовальными принадлежностями, она присела на край кровати.

— Вот и все, — сказала она. — Конец моей зависимости, конец тяжелой, нудной работе, конец унижениям. Все, что было в моей прошлой жизни, исчезло. Все, что может рассказать, кто я такая и откуда, похоронено и забыто. Все, кроме этого, кроме вот этого.

Она сняла черную ленточку и взглянула на то, что было на ней: не медальон, не миниатюра и не крестик — это было кольцо, завернутое в продолговатый клочок бумаги, покрытый печатными и письменными буквами, пожелтевший от времени и измятый многочисленными сгибами.

ГЛАВА 2

Джордж Толбойз возвращается на родину

Он бросил в воду недокуренную сигару и, облокотившись о фальшборт, задумчиво взглянул на волны.

— Голубая, зеленая, опаловая, — сказал он. — Опаловая, голубая, зеленая... Скука смертная! Все бы ничего, но три месяца такой жизни — это слишком долго, особенно когда... — Он оборвал фразу. Похоже, на самой ее середине ему пришла в голову мысль, которая унесла его за тысячу миль отсюда. — Бедная девочка, то-то она обрадуется! — пробормотал он, открывая ящик для сигар и с отсутствующим видом рассматривая его содержимое. — То-то обрадуется, то-то удивится! Бедная девочка! Ведь прошло три с половиной года. То-то удивится!

Это был молодой человек лет двадцати пяти. Смуглое лицо, бронзовое от загара, красивые карие глаза, в которых играла

женственная улыбка, искрившаяся из-под черных ресниц, густая борода и усы, закрывавшие всю нижнюю часть лица. Он был высок, атлетического телосложения, в просторном сером пиджаке и фетровой шляпе, беззаботно нахлобученной на копну черных волос. Звали его Джордж Толбойз, и он был пассажиром из кормовой каюты «Аргуса», доброго судна, следовавшего на всех парусах из Сиднея в Ливерпуль с грузом австралийской шерсти.

Вместе с ним кормовую каюту занимали еще несколько пассажиров первого класса. Пожилой торговец шерстью, сколотивший состояние в колонии, возвращался на родину с женой и дочерьми; тридцатипятилетняя гувернантка ехала домой, чтобы выйти замуж за того, с кем была помолвлена уже целых пятнадцать лет; сентиментальная дочь богатого австралийского вино торговца направлялась в Англию, чтобы завершить образование.

Джордж Толбойз был на судне главным заводилой и душой компании. Никто не знал, кто он, чем занимается и откуда следует, но нравился он всем и каждому. Толбойз сидел во главе обеденного стола рядом с капитаном, помогая ему воздавать должное искусству судового повара. Он открывал бутылки с шампанским и пил со всеми, кто подворачивался под руку. Он рассказывал забавные истории и сам при этом смеялся так заразительно, что нужна была железная выдержка, чтобы не присоединиться к его веселью. Он бесподобно играл в «спекуляцию» и «двадцать одно», завладевая всеобщим вниманием настолько, что, пронесись в эти минуты ураган, никто бы и ухом не повел.

Живость мистера Толбойза создала у окружающих несколько преувеличенное представление о его учености. Блестящая гувернантка пыталась завести с ним разговор о последних новинках литературы, но Джордж лишь несколько раз дернул себя за бороду, промолвив: «О да!» и «Еще бы, конечно!» Сентиментальная молодая леди — та, что собиралась завершить образование, — заговорила было с ним о Шелли

и Байроне, но Джордж Толбойз просто рассмеялся ей в лицо. Торговец шерстью хотел втянуть его в политическую дискуссию, но оказалось, что в вопросах политики Джордж невинен как младенец. Кончилось тем, что его оставили в покое, дав возможность жить так, как ему заблагорассудится: курить сигары, болтать с матросами, глазеть на воду и нравиться людям таким, каким он был на самом деле.

Но когда до Англии оставалось недели две ходу, Джордж Толбойз — это заметили все — резко изменился. Он стал беспокойным и суетливым, порою казался таким веселым, что каюта звенела от его хохота, порою был задумчивым и мрачным. Уж каким любимчиком он ни был у матросов, однако и они начали сердиться, выслушивая его бесконечные вопросы об одном и том же. Когда будем в Англии? Через десять дней? Через одиннадцать? Двенадцать? Тринадцать? Ветер попутный? Какая скорость у судна, сколько узлов? А однажды неведомая сила выгнала его на палубу, где он устроил скандал, обозвав «Аргус» старым корытом, а его владельцев — прохвостами, обманом добывающими себе клиентов, давая заведомо ложную рекламу. «Аргус» не выдерживает график! На «Аргусе» впору не людей перевозить, а скотину! Вот-вот, пусть перевозит проклятую шерсть! Пусть она сгниет по дороге, и вообще, пропади все пропадом!

Долго еще бушевал Джордж Толбойз в тот августовский вечер на палубе «Аргуса», и матросы, чтобы успокоить его, сказали, что придется подождать десять дней, прежде чем английский берег покажется на горизонте.

— Да я готов доплыть до него хоть в яичной скорлупе! — в сердцах воскликнул Толбойз.

Пассажиры кормовой каюты — все, кроме бледной гувернантки, — посмеялись над его нетерпением, а гувернантка, глядя на молодого человека, лишь сочувственно вздохнула: ей и самой в эти дни было не по себе. Вечером она вышла из каюты на палубу и тихо подошла к Джорджу, встала рядом и, как и он, устремила взгляд на запад, на блекнувший пурпур заката.

Она была спокойна, сдержанна и немногословна, редко принимала участие в развлечениях, никогда не смеялась, но — крайности, как известно, сходятся — крепко подружилась с Джорджем Толбойзом во время путешествия.

— Вам не мешает дым, мисс Морли? — спросил молодой человек, вынимая сигару изо рта.

— Нет, вовсе нет. Пожалуйста, продолжайте курить. Я вышла всего на несколько минут, только чтобы взглянуть на закат. Какой чудесный вечер!

— О да, чудесный, — отозвался Толбойз, и в его тоне снова прозвучало уже знакомое нетерпение. — Чудесный, но какой долгий! Боже, какой долгий!

— Да, — согласилась мисс Морли и вздохнула. — А вы хотели бы, чтобы время бежало быстрее?

— Еще как хотел бы! А вы разве нет?

— Я, пожалуй, нет.

— Но неужели у вас в Англии нет никого, кто любил бы вас? Неужели никто из тех, кого любите вы, не ждет вашего приезда?

— Хотела бы надеяться на это, — печально ответила мисс Морли.

Некоторое время они молчали. Джордж курил, торопливо стряхивая пепел, и казалось, будто он и впрямь убежден, что внутреннее беспокойство, не оставлявшее его ни на минуту, может ускорить движение судна. Мисс Морли глядела вдаль покрасневшими глазами, уставшими от чтения книг с мелким шрифтом и вышивания, глазами, покрасневшими от слез, тайне пролитых одинокими ночами.

— Взгляните-ка, — нарушил молчание Джордж Толбойз, — нарождается новый месяц.

Гувернантка посмотрела на бледный лунный серп, и лицо ее в эту минуту было почти таким же тусклым и бесцветным.

— А ведь мы впервые заметили его. Жаль! — сказал Джордж.

— Стоит ли об этом жалеть?

— Да, мне жаль, что мы идем так медленно, — отозвался Джордж, и эти невпопад сказанные слова лишний раз показали, в каком он теперь состоянии.

— А мне жаль нас — жаль при мысли о том, какое, быть может, разочарование поджидает нас в конце пути.

— Разочарование?

— Чувства того, к кому я еду, могут измениться. А если нет... Увидев мое бедное поблекшее лицо... Вы же понимаете... Что, если он меня давно разлюбил и ждет только ради денег, которые я скопила за пятнадцать лет работы? Пятнадцать лет назад, мистер Толбойз, когда я уезжала в Сидней, меня считали хорошенькой... Может быть, его давно уже нет в живых. А может быть, он жив, но за несколько дней до нашего прибытия его свалит лихорадка, и он умрет за час до того, как наше судно бросит якорь на Мерсее. Вот о чем я думаю, мистер Толбойз, по двадцать раз на день... По двадцать раз на день! — повторила она.

Джордж слушал ее, держа сигару в руке, слушал, застыв на месте, слушал с таким вниманием, что позволил себе расслабиться только тогда, когда мисс Морли произнесла последние слова. Сигара тут же полетела за борт.

— Сама себе удивляюсь, — продолжала мисс Морли, — удивляюсь тому, как моя надежда была полна, когда судно только-только покинуло порт. Тогда у меня и мыслей не было о разочаровании. Я представляла себе будущую встречу, слышала каждое слово, каждую интонацию, представляла каждый будущий взгляд... Но час за часом и день за днем мои надежды блекли, и сейчас конец путешествия страшит меня так, словно я еду в Англию, чтобы успеть к похоронам.

Молодой человек вздрогнул и тревожно взглянул на соседницу.

— Господи, какой я глупый! — с досадой воскликнул он, ударив кулаком по фальшборту. — Зачем вы меня пугаете? Зачем будоражите мои чувства теперь, когда я еду к женщине, которую люблю, к той, от которой не жду измены, потому

что душа ее чиста, как свет небесный? Зачем вы пришли, зачем забиваете мне голову мрачными фантазиями, когда я возвращаюсь домой к моей дорогой жене?

— Ваша жена — совсем иное дело. Если она у вас такая, как вы говорите, бояться вам нечего. А я еду в Англию, чтобы соединиться с человеком, с которым была помолвлена пятнадцать лет назад. В ту пору он был слишком беден, чтобы содержать семью. Когда мне представилась возможность получить место гувернантки в богатой австралийской семье, я уговорила его позволить мне уехать. Не связанный узами брака, он остался на родине, чтобы проторить свою дорогу в жизни, а я хотела скопить немного денег, которые могли бы поддержать нас, когда мы начнем жить вместе. Я не собиралась оставаться в Австралии надолго, но здесь, в Англии, дела у моего жениха пошли неважно, так что... Вот вам и вся моя история. Теперь вам понятны мои страхи. Повлиять на вас они никак не должны. Мой случай — исключение.

— Мой тоже, — сказал Джордж Толбойз. — Хотя, впрочем, я отсутствовал дома не пятнадцать лет, а всего три с половиной года. Что может случиться за такой короткий срок?

Мисс Морли взглянула на него со скорбной улыбкой, но промолчала. Его лихорадочный пыл, свежесть и непосредственность натуры — для нее все это было так странно и так ново, что она смотрела на молодого человека с восхищением и жалостью.

— Бедная моя женушка! Кроткая, чистая, любящая женушка! Знаете, мисс Морли, когда я уходил из дому, она спала с ребенком на груди, а я — я написал ей на прощание несколько неряшливых строк, где объяснил, почему ее верный супруг покидает ее.

— Покидает! — воскликнула гувернантка.

— Да, мисс Морли. Когда я впервые встретил свою любимую, я служил корнетом в кавалерийском полку. Полк квартировал в дурацком портовом городишке. Любимая жила с престарелым отцом — отставным морским офицером на по-

ловинном окладе. Бедный, как Иов, он думал только о том, как бы не упустить главный шанс в своей жизни. У него была прелестная дочь, и он лез из кожи вон, чтобы заполучить для нее в мужья кого-нибудь из драгун. С чувством неловкости смотрел я на его неуклюжие хитрости, когда он зазывал к себе меня и моих товарищей. Жалкие званые обеды, портейн из ближайшей пивной, выпренные разговоры о благородстве его семейства, фальшивая гордость, фальшивый независимый вид, фальшивые слезы в мутных старческих глазах, когда он говорил о своем единственном детище... Пьянчуга и лицемер, он готов был продать свою бедную девочку тому, кто даст цену побольше. К счастью для меня, такую цену мог предложить ему именно я, потому что мы с его дочерью полюбили друг друга с первого взгляда, а мой отец, мисс Морли, — богатый человек. Словом, мы решили пожениться. Увы, когда мой отец узнал, что я выбрал бесприданницу, дочь старого выпивохи, отставного флотского лейтенанта на половинном окладе, он написал мне ужасное письмо, пообещав порвать со мной все связи и после свадьбы прекратить выдачу мне ежегодного содержания. Прожить на офицерское жалование с молоденькой женой на руках было невозможно, но я понадеялся, что, прежде чем мы истратим деньги, которые я получил, продав свой офицерский патент, я найду себе какое-нибудь место и все мало-помалу образуется. Мы поехали в Италию и чудесно жили там, пока мои две тысячи фунтов не начали подходить к концу. Когда в кармане у меня оставалось каких-нибудь пара сотен или около того, мы вернулись в Англию и, поскольку моей славной женушке непременно хотелось поселиться где-нибудь поблизости от ее несносного родителя, обосновались в том самом портовом городишке, где я впервые ее встретил. Узнав, что у меня есть двести фунтов, тесть проявил по отношению к нам необыкновенную привязанность и настоял на том, чтобы мы переехали к нему. Мы так и сделали, и тут он начал вымогать у меня деньги, а когда я сказал об этом своей молодой жене, она лишь пожалала

плечами и ответила, что ей претит мысль быть нещедрой по отношению к «бедному папочке». Мне пришлось уступить. «Бедный папочка» в мгновение ока пустил на ветер то немногое, что у нас еще оставалось, и я отправился в Лондон, чтобы найти себе хоть какую-нибудь работу. Я пытался устроиться клерком в купеческой конторе, бухгалтером, счетоводом и так далее в таком же роде. Но, видимо, служба в драгунском полку оставила на мне неизгладимую печать, потому что нигде я не задерживался надолго: никто не верил, что я действительно смогу справиться с порученным делом. Мыкаясь в поисках места, я устал и пал духом, а потом вернулся к женушке, нянчившей моего сынишку, наследника моей бедности. Безрадостно было на душе у бедной девочки, а когда я, вернувшись, рассказал ей, чем закончилась моя поездка в Лондон, она и вовсе ударилась в слезы и сказала, что самую большую подлость по отношению к ней я совершил тогда, когда сделал ей предложение. О господи! Мисс Морли, ее слезы и упреки чуть не свели меня с ума. Проклиная ее, себя, тестя, белый свет со всеми, кто его населяет, я убежал из дому, заявив, что никогда больше сюда не вернусь. Весь день я бродил по улицам, едва соображая, что делаю, и испытывал огромное желание броситься в море, чтобы освободить бедную девочку и дать ей возможность устроить свою жизнь с кем-нибудь поудачливее меня. «Если я утоплюсь, — думал я, — тесть, конечно же, не оставит ее в беде. Старый лицемер не откажет дочери в крове, а между тем, пока я жив, со всякой ее просьбой о помощи он будет отсылать ее ко мне». Я набрел на старую деревянную пристань и решил, дождавшись темноты, свести счеты с жизнью. Но пока я сидел, покуривая трубку и безучастно глядя на морских чаек, неподалеку от меня двое мужчин завели разговор об австралийских золотых приисках и о том, какие деньжищи можно там заработать — если, конечно, повезет. Один из них, как я понял, отправлялся в путь через день-другой и пытался уговорить приятеля последовать за ним. Целый час я слушал их

разговор, а потом обратился к ним и узнал, что через три дня из Ливерпуля отправляется судно, на котором один из моих новых знакомцев намеревался добраться до Австралии. Он ответил на все мои вопросы, а затем вдруг заметил, что такой здоровяк, как я, навряд ли вернется с золотых приисков с пустыми руками. Меня просто затрясло от его слов. Что бы ни ожидало меня на приисках, любой исход был предпочтительнее, чем смерть в морской воде. Моей женошке легче будет пережить невзгоды под отцовским кровом, а я за какой-нибудь год сколочу состояние и вернусь — вернусь прямо к ней в объятия. (В то время я был настолько горяч и непоседлив, что мне казалось, года вполне хватит.) Я поблагодарил нового знакомого за все, что он мне рассказал, и поздней ночью побрел к себе. Дул пронизывающий зимний ветер, но я был настолько захвачен идеей, что не чувствовал холода. Я шел по тихим улочкам, снег бил мне в лицо, а сердце переполняла отчаянная надежда. Когда я пришел домой, старик сидел в маленькой столовой и пил бренди, разбавляя его водой. Жена мирно спала наверху, держа ребеночка на груди. Я присел у окна и написал ей несколько коротких фраз. Я заверил ее в том, что никогда не любил ее больше, чем теперь, когда решил покинуть ее. Там, в новом мире, я попытаюсь добиться лучшей доли. Если преуспею, то вернусь и дам ей богатство и счастье; если нет — она больше никогда меня не увидит. Оставшиеся деньги, что-то чуть более сорока фунтов, я разделил на две равные части, оставил одну часть ей, а другую положил себе в карман. Потом я преклонил колени и помолился за жену и ребенка, уткнувшись лицом в белое покрывало, под которым лежали самые дорогие для меня существа. Вообще-то я нечасто прибегаю к молитве, но Господь знает: та молитва шла из моего сердца. Я поцеловал жену, поцеловал ребенка, вышел из спальни и спустился вниз в столовую. Старик, поминутно кляня носом, дремал над развернутой газетой. Услышав мои шаги, он поднял голову и спросил, куда я иду. «На улицу покурить», — ответил я, и он поверил,

потому что для меня не в диковинку было поступать именно так. Спустя три дня я уже был в море, плыл в Мельбурн четвертым классом; весь мой багаж составлял инструментарий золотоискателя, а в кармане было всего семь шиллингов.

— И вы добились успеха? — спросила мисс Морли.

— Да, но до той поры мне пришлось крепко подружиться с нуждой. Часто, оглядываясь на свою прошлую жизнь, я просто диву давался при мысли, что тот лихой, безрассудный, сумасбродный, расточительный драгун, выпивший море шампанского, и этот человек, спящий на сырой земле и грызущий заплесневелую корку в пустынном, Богом забытом краю, — одно и то же лицо. Я жил среди всякого сброда, я стал для него своим человеком, но моя любовь к жене уберегла меня от пьянства и разврата. Голодный, худой, изможденный, я взглянул однажды на себя в осколок зеркала и ужаснулся, увидев в нем собственное лицо. Но я продолжал работать, работать, работать — несмотря на разочарование, отчаяние, ревматизм, лихорадку, голод. Побывав у самых врат смерти, я работал, работал, работал, пока не прошел свой путь до конца. А в конце меня ждала победа.

— Какой же вы молодец! — с восхищением воскликнула мисс Морли.

— Молодец? — усмехнулся Джордж Толбойз. — Но разве я боролся не ради своей любимой? Разве не ее нежная рука вела меня все эти годы к счастливому будущему? Разве не она сидела рядом со мной в драной брезентовой палатке с сынишкой на руках?

Однажды туманным утром, когда жизнь моя, казалось, дошла до края, я открыл месторождение золота и в одночасье стал самым богатым человеком в нашей маленькой колонии. Я поспешил в Сидней, и за все, что мне удалось добыть, выручил двадцать тысяч фунтов. Прошло еще две недели, и я взошел на борт этого судна, чтобы вернуться в Англию. Десять дней — еще десять дней! — и я увижу свою любимую!

— Но разве за все это время вы не написали ей ни строчки?

— Единственное письмо я отправил за неделю до отплытия «Аргуса». Не мог я ей писать, когда вся жизнь виделась мне в черном свете. Не мог писать, страдая от собственного отчаяния и близости смерти. Я жил, надеясь на удачу, и когда она пришла ко мне, написал жене, сообщив, что появлюсь в Англии вскоре после того, как придет мое письмо. Я дал ей адрес лондонской кофейни, куда она могла бы написать, указав, где ее искать, хотя, думаю, навряд ли за это время она покинула отцовский дом.

Он умолк и, снова задымив сигарой, задумался о своем. Мисс Морли стояла рядом, не смея ни словом, ни жестом прервать ход его мыслей. Внезапно, отбросив сигару, Толбойз резко повернулся к гувернантке и сказал:

— Мисс Морли, если, вернувшись в Англию, я узнаю, что с женой что-то случилось, — мне не жить.

— Мистер Толбойз, дорогой, к чему такие мысли? Господь добр к вам. Он не посылает нам страданий сверх тех, что мы можем вынести. То, что мир кажется мне таким печальным, вовсе не означает, что он таков на самом деле. У меня это оттого, что долгое однообразие моей жизни давало мне слишком много времени, чтобы поразмыслить о своих невзгодах.

— А моя жизнь была наполнена действием, лишениями, тяжким трудом, сменой надежды и отчаяния, отчаяния и надежды. У меня не было времени подумать о том, что с женой может что-то случиться. Какой же я глупец! За три с половиной года — ни единой строки, ни единого словечка от нее или кого-нибудь, кто знает ее. Господи, может, за это время с ней и вправду что-то стряслось? — Он заметался по безлюдной палубе, а гувернантка, следуя за ним, тщетно пыталась его успокоить. — Клянусь вам, мисс Морли, — сказал он, — до разговора с вами у меня не было и тени страха, а сейчас, когда я вспоминаю, о чем вы говорили мне час назад, сердце мое саднит от тоски. Оставьте меня, пожалуйста.

Наедине с самим собой мне легче будет избавиться от наваждения.

Гувернантка безмолвно отошла от него и, сев у борта, устремила взгляд в бескрайний морской простор.

ГЛАВА 3

Секретный ящичек

Мы вновь возвращаемся в Одли-Корт. Августовское солнце катится к закату. Тишина вокруг такая, что становится не по себе. Замычит ли корова на лугу, плеснет ли форель в пруду, выведет ли усталая птица несколько прощальных нот, проскрипит ли воз — каждый этот звук, поминутно нарушающий тишину, делает ее еще более гнетущей. Кажется, что здесь, у стен серого здания, покрытого плющом, зарыт покойник — настолько мертвенно разлитое вокруг спокойствие.

Часы над аркой пробили восемь. Двери черного хода тихо отворились. На пороге показалась девушка. Она украдкой скользнула в аллею, что тянется по берегу пруда, и скрылась из виду за ветвями липы, образующими сплошной покров.

Не сказать, чтобы девушка была из хороших, — скорее из тех, кого обычно называют интересными. Интересной она, быть может, казалась потому, что в ее бледном личике с мелкими чертами, в светлых серых глазах и плотно сжатых губах было нечто, говорившее о сдержанности и самообладании, которые нечасто встретишь в девушке девятнадцати-двадцати лет. Впрочем, ее можно было бы отнести и к хорошим, если бы не один недостаток: ее овальное личико в буквальном смысле слова было бесцветным. Ни кровинки в ее белых щеках; в бледных, скучных бровях и ресницах — ни малейшего намека на цвет; ни золотистого или каштанового, пусть слабого, оттенка в копне ее волос. Даже платье страдало тем же недостатком: бледный лавандовый муслин

стал блекло-серым, даже ленточка, повязанная вокруг горла, приобрела со временем тот же нейтральный оттенок.

В ее тонкой изящной фигурке, в ее грации и осанке сквозило нечто благородное, хоть и была она всего лишь простой деревенской девушкой. Звали ее Фиби Маркс, она служила няней в семье мистера Доусона. Когда леди Одли вышла за сэра Майкла, то взяла ее с собой и сделала своею горничной.

Для Фиби новое место стало подарком судьбы. Платили здесь втрое больше прежнего, работа в хорошо налаженном хозяйстве была нетрудной, и люди ее круга завидовали ей так же, как местная аристократия — ее госпоже, леди Одли.

Выйдя из дома, Фиби крадучись сделала несколько шагов по густой траве, а затем, вынырнув из глубокой тени, отбрасываемой липовой листвой, появилась среди сорняков и кустарника, представ перед деревенским парнем, сидевшим на сломанной деревянной раме заброшенного колодца. К парню этому девушка пришла на свидание.

Как я уже говорила, место тут довольно укромное: окруженное низким кустарником и скрытое от остального парка, оно просматривается только из чердачных окон западного крыла здания, с его тыльной стороны.

— Господи, Фиби, — вздрогнув, промолвил молодой человек, закрывая складной нож, которым он состругивал кору с тернового колышка. — Ты появилась так тихо, вдруг, что я принял тебя за нечистый дух. Я шел сюда полем, потом через ворота — те, что возле рва, — а потом присел тут передохнуть, перед тем как войти в дом и спросить, вернулась ты или нет.

— А мне из окна моей спальни виден колодец, Люк, — отозвалась девушка, указывая на поднятую решетку под коньком крыши. — Я увидела, что ты тут сидишь, и спустилась вниз немножко поболтать с тобой. Лучше это сделать здесь, чем дома, где кто-нибудь наверняка подслушает.

Люк был здоровенным, широкоплечим и простоватым увальнем лет двадцати трех. Волосы темно-красного оттенка

почти закрывали его лоб, а густые брови, смыкаясь на переносице, нависали над парой серо-зеленых глаз; нос большой и красивый, но рот такой грубой формы, что с физиономии Люка никогда не сходило зверское выражение. Розовощекий, с бычьей шеей, он и сам походил на одного из могучих быков, что паслись на лугах, окружавших поместье Одли-Корт.

Девушка села рядом с парнем и нежной ручкой — мозоли давно сошли с тонких пальчиков — обняла парня за толстую шею.

— Рад, что видишь меня, Люк?

— Знамо дело, рад, — грубовато ответил парень и, раскрыв нож, снова начал стругать палку.

Они были троюродные брат и сестра, друзья с детства и возлюбленные с ранней юности.

— Непохоже, что рад, — упрекнула девушка. — Мог бы, например, сказать, что путешествие пошло мне на пользу.

— Как были у тебя щеки белыми, так и остались, — пробурчал парень, поглядывая из-под насупленных бровей. — С чем уехала, с тем и приехала.

— Но говорят, что путешествия облагораживают, Люк. Я побывала с миледи на континенте, навидалась всякой интересной всячины, и к тому же ты знаешь, Люк, когда я была еще совсем маленькой, дочери сквайра Хортонна научили меня немножко изъясняться по-французски... Господи, как приятно поговорить за границей с тамошними людьми на их языке!

— Благородство! — воскликнул Люк Маркс и хрипло расхохотался. — Кому нужно твое благородство, хотел бы я знать? Мне не нужно. Когда мы поженимся, времени для благородства у тебя будет в обрез. Французский ей зандобился! Послушай, Фиби, когда я скоплю денег на ферму, кому ты станешь говорить «парле-ву-франсе»? Коровам?

Девушка поджала губки и отвела взгляд. Парень как ни в чем не бывало скреб и строгал свою жердь, не обращая внимания на троюродную сестру.

— Видел бы ты, — промолвила Фиби, — как путешествовала мисс Грэхем с горничной и курьером, как она ехала в карете, запряженной четверкой лошадей, а ее муж — тот не мог на нее надышаться, найти места на земле, достойного, чтобы на него ступила ее нога!

— Все это хорошо, Фиби, когда куры денег не клюют, — отозвался Люк. — Ты свои-то не больно транжирь: они нам пригодятся, когда мы поженимся.

— А кем она была в доме у мистера Доусона каких-нибудь три месяца назад? — продолжила девушка, словно не слыша того, что сказал ей жених. — Такой же служанкой, как и я сама! Работала за плату, и работа у нее была потяжелей, чем у меня. Видел бы ты ее блузки и юбки, Люк! Все старое, поношенное, заплатанное, хотя и в них, признаться, она смотрелась королевой. А сейчас мне, горничной, она платит больше, чем сама получала у мистера Доусона. Еще недавно я видела, как она выходила из гостиной, сжимая в кулачке несколько соверенов и серебряных монет — плату за три месяца, а поглядел бы ты на нее сейчас!

— Не думай ты о ней, — сказал Люк, — подумай лучше о себе. А что, если мы откроем пивную, а? На этом деле можно заработать кучу денег!

Девушка сидела, по-прежнему не глядя на жениха, и ее бледные серые глаза были устремлены на темно-красную полосу заката, медленно угасавшую за стволами деревьев.

— А посмотрел бы ты, какая роскошь в доме, Люк, — сказала она. — Снаружи — старье да рухлядь, а полюбовался бы ты на комнаты миледи! Сплошные картины, позолота, высоченные зеркала от пола до потолка. Потолки расписные, дворецкий говорит, это стоило не одну сотню фунтов, и всё — для нее.

— Что и говорить, повезло ей, — пробормотал Люк с ленивым безразличием.

— А видел бы ты ее, когда мы были за границей! Тамошние джентльмены толпами ходили вокруг нее. И сэр Майкл

нисколько не ревновал. Наоборот, он даже гордился тем, что его жену принимают с таким восхищением. Слышал бы ты, как она смеялась над своими поклонниками и как беспечно отвергала их комплименты! Где бы она ни появлялась, все сходили от нее с ума. Сколько времени оставались мы на одном месте, столько и было там разговоров о ней, и только о ней.

— Будет она вечером дома?

— Нет, они с сэром Майклом отбывают на званый обед в Бичез. Туда семь-восемь миль езды, так что вернутся поздно, не раньше одиннадцати.

— Ну тогда, Фиби, ежели, как ты говоришь, в доме у них красота неопишная, мне бы хотелось взглянуть на эту красоту — хоть одним глазком.

— Нет ничего проще. Мистер Бартон, дворецкий, знает тебя в лицо и не станет возражать, если я покажу тебе лучшие комнаты в доме.

Уже почти стемнело, когда парень и девушка вышли из кустарника и медленно направились к дому. Дверь, что они отворили, вела в людскую; рядом была комната, где проживал дворецкий. Фиби Маркс, получив разрешение показать дом родственнику, зажгла свечу от фонаря, освещавшего людскую, и велела Люку следовать за ней.

В длинных коридорах, обшитых черными дубовыми панелями, было сумрачно; свеча, которую держала Фиби, почти не давала света, мерцая в широких проходах крохотным желтым пятнышком. Люк опасливо озирался по сторонам, пугаясь скрипа собственных башмаков.

— Жуть какая! — пробормотал он, когда они вошли в главный зал, где тоже стояла непроглядная тьма. — Я слышал, в прошлые времена здесь кого-то убили.

— Убивали всегда, Люк, и в прошлые времена, и в нынешние, — отозвалась девушка, поднимаясь по лестнице.

Они прошли через огромную гостиную. Вокруг было великое множество шкапулок — обшитых бархатом, из золоченой

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна леди Одли

Перевод с англ. Евгения Фельдмана 5

Глава 1. Люси Грэхем становится леди Одли	5
Глава 2. Джордж Толбойз возвращается на родину	17
Глава 3. Секретный ящичек	28
Глава 4. Объявление в «Таймс»	35
Глава 5. Надгробный камень	40
Глава 6. Дед и внук	47
Глава 7. Спустя год	53
Глава 8. Перед бурей	64
Глава 9. После бури	77
Глава 10. Пропавший без вести	83
Глава 11. Синяки на запястье	87
Глава 12. По-прежнему никаких известий	93
Глава 13. Потревоженный сон	98
Глава 14. Фиби собирается замуж	104
Глава 15. Веселое Рождество	111
Глава 16. Изгнание из рая	121
Глава 17. На постоялом дворе	129
Глава 18. Нежданная гостя	135
Глава 19. Ошибка слесаря	140
Глава 20. Старый сундук	146
Глава 21. В Саутгемптоне	150
Глава 22. Опекун	156
Глава 23. Мистер Харкурт Толбойз	167
Глава 24. Клара	176
Глава 25. Письма Джорджа	183
Глава 26. Рассказ доктора Доусона	187
Глава 27. Наклейки на шляпной коробке	198
Глава 28. Рассказ миссис Баркемб	210
Глава 29. Встреча в церкви	219
Глава 30. В липовой аллее	226

Глава 31. Миледи подготавливает почву.....	240
Глава 32. Визит Фиби.....	250
Глава 33. Огонь в ночи	261
Глава 34. Мучительное ожидание	275
Глава 35. История миледи, рассказанная ею самой	283
Глава 36. Две телеграммы.....	298
Глава 37. Совет доктора Мосгрейва.....	309
Глава 38. Похороненная заживо	319
Глава 39. Благодарность Люка.....	328
Глава 40. Рассказ умирающего	339
Глава 41. Рассказ живого	353
Глава 42. Каждому свое.....	362

Літературно-художнє видання

Серія «Золоте століття детектива»

БРЕДДОН Мері
Таємниця леді Одлі
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *Н. Ю. Олянішина*
Художній редактор *А. В. Ачкасова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Комп'ютерна верстка *О. М. Залипаєва*
Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 15.05.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 19,32. Наклад 6050 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000. 61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдявня, 11.
Свідцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Серия «Золотой век детектива»

БРЭДДОН Мэри
Тайна леди Одли
Роман

Руководитель проекта *Н. Ю. Олянишина*
Художественный редактор *А. В. Ачкасова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Компьютерная верстка *Е. М. Залипаева*
Корректор *О. А. Степанова*

Подписано в печать 15.05.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 19,32. Тираж 6050 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000. 61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Люсі Грем — звичайна гувернантка, якій пощастило одружитися зі своїм багатим хазяїном сером Майклом. Тепер вона має прізвище Олді й відіграє роль респектабельної дами з вищого товариства перед вимогливими сусідами. Та повернення племінника сера Майкла Роберта може зруйнувати всю виставу, розіграну Люсі. Роберт починає підозрювати, що минуле Люсі не настільки ідеальне, як розповідає про нього сама новоспечена леді... Та все таємне рано чи пізно стає явним.

Брэддон М.

Б87 Тайна леди Одли : роман / Мэри Брэддон. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 368 с. — (Серия «Золотой век детектива», ISBN 978-617-12-4727-7)

ISBN 978-617-12-5023-9

Люси Грем — простая гувернантка, которой посчастливилось стать женой своего богатого хозяина сэра Майкла. Теперь она носит фамилию Олди и играет роль респектабельной дамы из высшего общества перед требовательными соседями. Но возвращение племянника сэра Майкла Роберта может разрушить весь спектакль, разыгранный Люси. Роберт начинает подозревать, что прошлое Люси не настолько идеальное, как рассказывает о нем сама новоиспеченная леди... И все тайное рано или поздно становится явным.